

А. С. Усачев

Российский государственный гуманитарный университет, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия.
asuuas1@mail.ru

РЯЗАНСКИЙ ЕПИСКОП ИОНА (1522–1547 гг.) И ЦЕРКОВНАЯ ЭЛИТА В РОССИИ XVI в.

В статье рассматриваются происхождение и основные факты биографии рязанского епископа Ионы (1522–1547 гг.). Устанавливается, что, вероятно, являясь уроженцем Владимира или его округа, он в относительно раннем возрасте принял постриг в небольшом домовом митрополичьем Никольском Волосовом монастыре. Не позднее 1511 г. он стал его игуменом. Пользуясь покровительством митрополита Варлаама (1511–1521 гг.), Иона перебрался в Москву, установив связи с представителями церковной и политической элиты, способствовавшие его успешной карьере. В 1517 г. Иона был поставлен в архимандриты новгородского Юрьева монастыря, в условиях вдовствования кафедры фактически возглавив церковную иерархию епархии. Вскоре после присоединения Рязани Иону поставили на Рязанскую кафедру (1522). Занимая ее четверть века, он играл значимую роль в управлении Русской церковью в период малолетства Ивана IV. В основу исследования положены акты, летописные известия, Чудеса Варлаама Хутынского, послания митрополита Даниила, выходные и вкладные записи на книгах.

Ключевые слова: монашество, Русская церковь, XVI век, Средневековый Новгород, Новгородская епархия, Рязанская епархия, Никольский Волосов монастырь, епископат, рукописная книга

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218).

Формировавшуюся с эпохи Ивана III до реформ «Избранной рады» систему управления Русским государством XVI–XVII вв. отличал двусоставный характер. Светская и церковная административные «сетки», накладываясь друг на друга, значительно повышали степень «плотности», устойчивости и надежности системы управления страной, которая по историческим меркам лишь сравнительно недавно стала политическим целым. Для понимания особенностей функционирования этой системы наряду с конкретными ее составляющими важно рассмотреть и персональный состав тех, кто направлял деятельность институтов светской и духовной власти. Речь шла о лицах, по сути, создававших Русское государство. Актуальность этой темы определяется современным состоянием ее изучения.

Многие ученые неоднократно обращались к истории формирования светской элиты второй половины XV – XVI в. В их трудах выявлен и изучен целый ряд родов, представители которых, занимая значимые позиции в Государевом дворе и его верхнем этаже Боярской думе, играли ключевую роль в политической и административной жизни страны [Веселовский, 1946; Веселовский, 1969; Зимин; Кобрин; Павлов; Назаров; Беляков; Кузьмин]. С изучением церковной элиты ситуация иная. Несмотря на появление работ, посвященных биографиям ряда иерархов – митрополитов Ионы, Макария, Филиппа (Колычева), отдельных архиереев [Абеленцева; Колобков; Макарий (Веретенников), 2002; Макарий (Веретенников), 2006; Макарий (Веретенников), 2010], основной части ее представителей исследователи не уделяли специального внимания, лишь иногда ограничиваясь скупыми упоминаниями. Этим и обусловлен очевидный специалисту историографический казус: если происхождение и карьерный путь практически всех членов Боярской думы известны (в рассматриваемый период речь шла о сотнях лиц), то о жизни подавляющего большинства членов главного органа управления Церковью – Освященного собора (даже составлявших его ядро архиереев – в XVI в. их было не менее 120) – до занятия ими значимых позиций в церковной иерархии

неизвестно практически ничего. Перед исследователем неизбежно встает вопрос: кем по своему происхождению были русские епископы и каким был их путь на вершину административного Олимпа в период формирования единого государства? В поисках ответа мы рассмотрим находящуюся в историографической тени фигуру рязанского епископа Ионы (1522–1547 гг.). Итоги обобщения данных целого ряда источников, ускользнувших от немногих исследователей, упоминающих отдельные факты из жизни Ионы [Губин, с. 23, 92–94, 102, 109–110, 146, 224, 240, 242; Маштафаров, Турилов; Смирнова, Турилов; Макарий (Веретенников), 2010], позволят составить представление о биографии и круге социальных связей этого иерарха Церкви, родившегося в период раздробленности и дожившего до венчания Ивана IV на царство, и тем самым обратить внимание на ряд тенденций в формировании церковной элиты России раннего Нового времени.

Происхождение Ионы точно неизвестно. До поставления на Рязанскую кафедру в 1517–1522 гг. он являлся архимандритом главной новгородской обители – Юрьева монастыря. Означает ли это, что он был уроженцем Новгорода? Рассмотрим одно из Чудес Варлаама Хутынского.

Источник сообщает, что к 1516/1517 г. три ключевые обители Новгорода – Юрьев, Антоньев и Спасо-Хутынский монастыри – остались без настоятелей. Очевидно, что это было связано с устранением с кафедры новгородского архиепископа Серапиона в ходе его конфликта в 1509 г. с Иосифом Волоцким, которого поддержал Василий III. После Серапиона кафедра многие годы вдовствовала до поставления на нее Макария в 1526 г. Настоятелей попросту некому было ставить. Чудо Варлаама Хутынского сообщает о том, что в сложившейся ситуации братия этих обителей отправила послов к Василию III с просьбой поставить настоятелей. После чудесного явления Варлаама Хутынского во сне великому князю просьба иноков была удовлетворена: из столицы в Спасо-Хутынский монастырь прибыл Никифор, в Антоньев – Геронтий, в Юрьев – Иона [Никольский, с. 42]. В условиях отсутствия архиерея возглавивший главный монастырь епархии Иона, по сути, стал первым лицом в новгородской церковной иерархии. Трудно сомневаться в том, что круг его возможностей (в том числе и финансовых) в новгородский период был весьма широк [Смирнова, Турилов, с. 328].

Очевидно, что все трое настоятелей были присланы извне. Относительно Никифора источник прямо сообщает, что он был «послан ис царствующего града Москвы повелением великого князя Василия Ивановича всея Руси» [Никольский, с. 54]. На столичное происхождение Никифора указывает и его последующая судьба. Как сообщает Чудо Варлаама Хутынского, зафиксированное явно недоброжелательно относящимся к москвичам новгородцем, он своим неподобающим поведением снискал всеобщую ненависть и, тяжело заболев, был вынужден вернуться в столичный Чудов монастырь, где вскоре и скончался [Никольский, с. 54–55]. Скорее всего, из него он и прибыл: как правило, руководители Церкви «на покой» возвращались в «свой» монастырь (место пострига или длительного проживания). Точно известно, что предшественник Никифора – Сергей, возглавлявший Спасо-Хутынский монастырь в 1508–1516 гг., – являлся выходцем из столичного Спасо-Андроникова монастыря [Никольский, с. 41]. Судя по всему, из Чудова был прислан и Геронтий, длительное время управлявший Антоньевым монастырем. В 1537/1538 г., вероятно, незадолго до своей кончины, он дал вкладом в Чудов монастырь рукопись, содержащую список Толкований на Евангелие Феофилакта Болгарского, по себе и своим многочисленным родичам (среди них преобладали представители белого духовенства). В записи приведено и его прозвище – «Володимерец» [Тихомиров, с. 20]. Трудно сомневаться в том, что он, скорее всего, принял

постриг и длительное время проживал в Чудове, но происходил из Владимира или его округи. Неизбежен вопрос: где до приезда в Новгород проживал Иона?

Казалось бы, ответ очевиден. Появление в Новгородской епархии выходцев из Москвы и Подмосковья – достаточно вспомнить чудовского архимандрита Геннадия (Гонзова) и троицкого игумена Серапиона, ставших архиепископами, а также выходца из Спасо-Андроникова монастыря Сергия, возглавившего Спасо-Хутынский, – на первый взгляд, можно рассматривать в рамках процесса административного подчинения относительно недавно присоединенного города путем насыщения его церковной иерархии «москвичами»¹. Недаром в конце XV в. на территории Новгородской земли было поселено около 1,3 тысячи служилых людей из Центра страны (за первую половину XVI в. их численность возросла почти в 3 раза) [Бенцианов, с. 265–266]. Однако такое предположение, подкупающее своей кажущейся логичностью, существенно упрощает действительность. Судя по всему, москвичом Иона не был.

На протяжении многих лет Иона поддерживал постоянные контакты с находящимся в окрестностях Владимира относительно небольшим митрополичьим домовым² Никольским Волосовым монастырем³. А. А. Турилов обратил внимание на исключительно важную запись в служебной Минее на октябрь, вероятно, выполненную в Никольском монастыре. Этот источник сообщает, что уже в новгородский период Иона инициировал в нем каменное строительство. Юрьевский архимандрит принял самое активное участие в возведении в обители Никольской церкви, строительство которой велось со 2 мая 1518 по 9 сентября 1519 г. (подготовительные работы – изготовление кирпича – начались 12 мая 1517 г.). 2 октября 1519 г. храм был освящен. Иона действовал сообща с весьма значимой в первой четверти XVI в. персоной. Запись о строительстве Никольской церкви сообщает о том, что «пожаловала великая княгиня Соломонида велела четыре печи и извести вывести на храм святого чудотворца Николы» (об участии в строительстве супруга Соломонии Сабуровой – Василия III – источник умалчивает). Возведение храма осуществлялось «замышлениемъ анъхиманъдрита Ионы Великово Новагорода Юрьева манастыря при игумене Пахнутъе». Как сообщает источник, «мастеры были москвичи Степан Фрязин да Иван Рябина, да Иван Корелька, да Василей Волочанин». Судя по тексту записи, со стороны монастыря строительство курировали старцы Арсений и Никифор⁴. Как видим, к работе было привлечено 4 высококвалифицированных специалиста из столицы, один из которых, несомненно, являлся итальянцем. Это, впрочем, характерно для эпохи Ивана III и Василия III, которую в истории русской архитектуры не без оснований порой рассматривают как итальянский период⁵.

Очевидно, что настоятель главной новгородской обители, еще только успев ее возглавить, сразу проявил заботу о Никольском Волосовом монастыре (трудно сомневаться

¹ Согласно подсчетам А. Ю. Савосичева, около 52 % архиереев второй половины XV – начала XVI в. являлись выходцами из обителей Москвы и Подмосковья [Савосичев, с. 172]. Фиксируя это любопытное наблюдение историка, обратим внимание на важное обстоятельство: факт руководства монастырем – порой достаточно краткого – далеко не всегда означает, что настоятель из него происходил и долгие годы был связан с соответствующей территорией. Например, в XVI в. чаще всего происходившие с территории Волоколамского, Дмитровского и Рузского уездов выходцы из обители Иосифа возглавляли более десятка монастырей, находящихся в разных частях страны – в Москве и Подмосковье, Новгороде, Казани, Тверской и Рязанской земле [Усачев, 2017, с. 101–103].

² О правовом и экономическом положении домовых обителей русских первосвятителей в эпоху Средневековья (к середине XVI в. их было не менее 35) см.: [Горчаков, с. 177–191; Веселовский, 1947, с. 439–443].

³ Основные сведения об истории обители см.: [Тихонравов, 1857; Маштафаров, Турилов].

⁴ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. 3. Ч. 2. С. 97 (№ 447). О каменном строительстве в Волосовом монастыре и участии в нем Ионы см.: [Маштафаров, Турилов (автор раздела – А. А. Турилов); Мельник].

⁵ О месте данной постройки в истории русской архитектуры см.: [Мельник].

в том, что Иона стал юрьевским архимандритом за некоторое время до 12 мая 1517 г., когда уже началась активная подготовка к строительству церкви). Вероятно, Иона инициировал строительство храма, как только у него для этого появились возможности (прежде всего, финансовые). При этом Иона действовал сообща с великой княгиней, с которой он или, что менее вероятно, монастырь был как-то связан. На знакомство Ионы лично с Соломонией косвенно указывает то, что о каких-либо контактах представителей крупнейшего старомосковского рода Сабуровых, в XV–XVI вв. связанного происхождением и земельными владениями по преимуществу с Костромой [Веселовский, 1946; Зимин, с. 191–195; Кучкин], с владимирским Никольским Волосовым монастырем и его округой ничего неизвестно. Судя по всему, строительство поддержал и митрополит Варлаам (1511–1521 гг.). Вероятно, стоит согласиться с А. Г. Мельником, связавшим весьма затратное каменное строительство в Никольском Волосовом монастыре с грамотой Варлаама 1517/1518 г., освобождавшей обитель от всех выплат в пользу возглавляемой им кафедрой⁶. На широкие возможности инициатора строительных работ указывает и привлечение нескольких московских зодчих (в том числе итальянца), которые в этот период выполняли поручения представителей элиты. Очевидно, что одних денег для организации строительства было бы недостаточно. Наряду с ними требовались и связи со значимыми духовными и светскими лицами.

Не оставлял своей заботой владимирский монастырь Иона и в рязанский период. Известен целый ряд его вкладов в Волосов книгами⁷. Самый крупный из них – полный комплект служебных миней⁸. 4 июля 1544 г. Иона в этот монастырь вложил Евангелие западнорусского происхождения на помин своей души и душ иноков Андроника, Александра и Устинии (первый мог являться наставником Ионы (см. ниже), Александр и Устиния – родственниками, скорее всего, родителями)⁹. В 1545/1546 г. «благословением владыки Ионы рязанского и муромского» была переписана и дана «в дом святого великого чудотворца Николы Волосово» Триодь постная [Усачев, 2018, т. 2, № 325]. Незадолго до смерти – в 1546/1547 г. – Иона вложил в обитель Октоих¹⁰. По-видимому, в близкий период он дал в Волосов точно не датированную Триодь цветную. Согласно вкладной записи, его насельникам следовало молиться за иноков Андроника и Никандра (вероятно, волосовского игумена, см. ниже), а также инокиню Устинью¹¹. Уже после смерти Ионы в 1561/1562 г. «по государе своем по владыце Ионе рязанском» толковое Евангелие в Волосов монастырь вложил «рождественский поп Бажен с Москвы»¹² (очевидно, близкое к Ионе лицо; возможно, Бажен родом был из Рязани). Хотя Иона, как, впрочем, и многие другие представители церковной и политической элиты, делал вклады в различные монастыри¹³, его интерес именно к Никольскому Волосову монастырю несомненен. Принимая во внимание очевидную связь Ионы с ним, А. А. Турилов, специально не занимаясь его биографией, допустил, что он мог являться его иноком или даже игуменом

⁶ О грамоте, текст которой, по-видимому, не сохранился, см.: [Тихонравов, 1857, с. 111].

⁷ О них подробнее см.: [Губин, с. 109–110; Смирнова, Турилов; Усачев, 2018, т. 1, с. 344–345].

⁸ Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по № 579-й, с приложением Очерка собрания рукописей В. М. Ундольского, в полном составе, А. Е. Викторова. М., 1870. С. 108.

⁹ О рукописи подробнее см.: [Смирнова, Турилов (С. 312 – текст вкладной записи)].

¹⁰ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. 3. Ч. 1. С. 456 (№ 414).

¹¹ Там же. С. 530–531 (№ 429).

¹² Рукописи, поступившие в 1960 г. // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1961. Вып. 24. С. 135.

¹³ Конечно, архиерей не мог оставить своим вниманием Троице-Сергиев монастырь. Впрочем, вклады одного из руководителей Русской церкви в эту обитель были достаточно скромными. Так, 11 марта 1543 г. в Троицу Иона дал 19 рублей, 31 алтын и 3 деньги, 3 апреля 1545 г. – 27 рублей, 17 алтын, 2 деньги (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 39). В Троицу Иона в рязанский период вложил и комплект служебных миней (см.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского... С. 108).

[Маштафаров, Турилов (автор раздела – А. А. Турилов); Смирнова, Турилов, с. 328]. Второй вариант нам представляется предпочтительным.

П. М. Строев под 1511 г. в Никольском Волосовом монастыре в роли игумена фиксирует лицо с соответствующим именем [Строев, стб. 700]. Вероятно, историк основывался на тексте не сохранившейся к настоящему времени жалованной данной грамоты митрополита Варлаама (3–31 августа 1511 г.) Никольскому Волосову монастырю на сельцо Волосово во Владимирском уезде¹⁴ (в дошедшем описании документа в Описи 1764 г. имени игумена Никольского Волосова монастыря нет [Антонов, 1998, с. 209 (№ 206)]). Под 21 апреля 1514 г. В роли игумена упомянут уже Дементий, возглавлявший монастырь до 1517 г. (в 1519–1524 гг. игуменом являлся Пафнутий)¹⁵.

Есть определенные основания полагать, что до Дементия около года после Ионы игуменом мог быть Никандр и, соответственно, Иона мог покинуть Волосов существенно ранее 1514 г. Обратим внимание на записи рукописи XV в., содержащей список Минеи служебной на июль. Манускрипт, судя по вкладной записи 23 марта 1603 г. патриарха Иова в Трехсвятительскую церковь на патриаршем дворе, ранее в составе полного комплекта хранился в библиотеке Никольского Волосова монастыря. Затем в составе комплекта июльскую mineю купил Иов у неизвестного по другим источникам волосовского игумена Макария (вероятно, монастырь он возглавлял между 1576/1577 и 1586–1588 гг.¹⁶). Кодекс, основную часть XVI в. находившийся в Волосовом, содержит две записи: 1) «лета 7020 преставись игумен Никандр на Антипин день» (то есть 11 апреля 1512 г.) (Л. 90 об.); 2) «лета 7019 преставись раб Божей старец Андроник июля 14 день на память святого апостола Акилы» (Л. 91)¹⁷. Если записи действительно были выполнены в Никольском Волосовом монастыре, то речь шла об игумене и старце этой обители. Принимая во внимание дату грамоты митрополита Варлаама Волосову, а также дату смерти Никандра, можно думать, что Иона покинул обитель между августом 1511 и началом апреля 1512 г., то есть едва ли не сразу после поставления Варлаама на Всероссийскую кафедру. Учитывая время кончины упоминаемого во второй записи Андроника, по-видимому, скончавшегося от «естественных» причин (запись не упоминает о моровом поветрии в обители), можно полагать, что он был существенно старше Ионы, который скончался 36 лет спустя (в 1547 г.). По-видимому, они принадлежали к различным поколениям. Вероятно, к 1511 г. Ионе было не менее, а скорее всего, несколько более 30 лет. Как правило, в рассматриваемый период настоятелями становились лица не моложе 35–40 лет, имевшие по меньшей мере полтора – два десятилетия иноческого «стажа»¹⁸. Если это так, то на момент смерти Ионе было уже как минимум 71–76 лет. Соответственно, постриг он принял достаточно рано. Учитывая дату смерти Андроника, вероятную разницу в возрасте с Ионой, а также то, что позднее он фигурировал во вкладной записи рязанского епископа среди лиц, подлежащих поминанию, можно предположить, что он мог являться наставником будущего рязанского владыки. Возможно, Никандр, умерший вскоре, также был несколько старше Ионы. Вклады по душам Андроника и Никандра, сделанные Ионой незадолго до кончины, могли обуславливаться его стремлением перед смертью обеспечить поминание тех лиц, с которыми было связано начало его церковной карьеры.

¹⁴ Грамота была известна и К. Н. Тихонравову [Тихонравов, 1857, с. 111].

¹⁵ АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 195.

¹⁶ Под 1573 г. в Волосовом упоминается игумен Сильвестр, под 1576/1577 г. – Иона, под 1586–1588 – 1598 гг. – Иосиф ([Строев, стб. 700]; АФЗХ. М., 1961. Ч. 3. № 17, 41; [Антонов, 1998, с. 211]).

¹⁷ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Ч. 2. С. 127 (№ 471).

¹⁸ О продолжительности иноческого «стажа», а также о возрасте, в котором, как правило, в XV–XVI вв. становились игуменами и архиереями, см.: [Усачев, 2017, с. 106–109].

Если наше предположение справедливо и Иона действительно покинул Волосов монастырь во второй половине 1511 – не позднее первой половины апреля 1512 г., то речь шла о самых первых месяцах пребывания на Всероссийской кафедре Варлаама, поставленного на нее 3 августа 1511 г. Карьерный взлет Ионы совпал с появлением на митрополичьей кафедре этого святителя. Скорее всего, Иона так и остался бы настоятелем небольшой провинциальной обители, если бы не его встреча с новым митрополитом. Видимо, их знакомство произошло в момент ходатайства Ионы о получении грамоты на сельцо Волосово в августе 1511 г. Грамота была выдана, а игумен был замечен. Косвенно на значимую роль Варлаама в судьбе Ионы указывает и ряд фактов, свидетельствующих об укреплении позиций этого ранее малозаметного монастыря именно в период занятия им митрополичьей кафедры. Так, по прямому указанию Варлаама были расширены земельные владения обители. Согласно упоминаемой выше грамоте от августа 1511 г., монастырь от Варлаама получил сельцо Волосово. 25 февраля 1521 г. митрополичий дворецкий Ф. Ф. Сурмин купил для Никольского монастыря деревню Пшеничково и селище Прощеное во Владимирском уезде¹⁹.

По сравнению с концом XV в. возросла и, надо думать, заметно численность насельников. Так, в 1498/1499 г. в «митрополичьем монастырьке» проживали игумен, черный священник, 2 белых священника и 2 диакона²⁰. В меновой грамоте 1514 г. уже фигурируют игумен Дементий, казначей Арсений, келарь Симон и еще некоторое число «братьев»²¹. Очевидно, что среди них был упоминавшийся в записи о строительстве Никифор. Относящееся, по-видимому, к 1522–1524 гг. Послание о благочинии и крепости монастырского устава в Никольский Волосов монастырь преемника на Всероссийской кафедре Варлаама Даниила (1522–1539 гг.)²² упоминает еще трех иноков – старцев Вассиана (Внукова), Дионисия (Долгожданова), а также казначея Вениамина²³.

В этот период несколько повысился и статус в миру насельников Никольского Волосова монастыря. Среди его старцев (вероятно, наиболее авторитетных) под 1522–1524 гг. мы находим представителя рода служилых землевладельцев Внуковых²⁴. В XVI – начале XVII в. они располагали владениями в различных уездах – в Шуйском²⁵, Московском²⁶, Владимирском²⁷ и др. Вероятно, Вассиан принадлежал к числу находящихся на митрополичьей службе детей боярских Внуковых, статус которых на ней, правда, был не слишком высок²⁸. Скорее всего, в миру Вассиан (до пострига, по-видимому, Василий) являлся митрополичьим сыном боярским Василием Ивановым сыном Внукова, который в 1516/1517 г. принимал участие в межевании земельных владений Никольского Волосова монастыря²⁹. Судя по тому, что на митрополичьей службе Василий Внуков фиксируется не позднее 1498/1499 г.³⁰, к 1522–1524 гг. он был уже в очень зрелом по меркам Средневековья возрасте. В третьей четверти XVI в. вслед за Вассианом свой взор к Волосову обратили и другие представители рода. Так, Иван Неклюдов

¹⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 196.

²⁰ Там же. № 166.

²¹ Там же. № 195.

²² Послание не датировано. Однако оно адресовано игумену Пафнутию, который фигурирует в источниках под 1519–1524 гг. [Строев, стб. 700]. Даниил был поставлен на митрополию в 1522 г.

²³ Даниил, митрополит Московский. Сочинения / Исслед., подгот. текстов и изд. Л. И. Журовой. М., 2020. С. 190.

²⁴ О потомках Нетши, среди которых были и далекие от вершины служебной иерархии Внуковы, см.: [Веселовский, 1969, с. 450–454].

²⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 363.

²⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. 3. № 100, 101.

²⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 157; АФЗХ. Ч. 3. № 8, 16, 17.

²⁸ Подробнее о составе и иерархии родов, служивших русским митрополитам в XIV–XVI вв., см.: [Веселовский, 1947, с. 416–427; Кузьмин, т. 2, с. 9–105].

²⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 194.

³⁰ Там же. № 207.

сын Внуков в своей духовной 1560/1561 г. оговорил вклад своей вотчины в Опольском стане Владимирского уезда в монастырь в случае отсутствия потомства у дочери³¹. Согласно духовной 1571/1572 г. Ивана Стромилу Андреева сына Внукова, его вотчина, расположенная на территории того же стана Владимирского уезда, предназначалась Никольскому монастырю (упоминаемый в этом акте его родственник старец Иена (Иона?) (Внуков), вероятно, являлся насельником Волосова)³². Хотя служебный статус Внуковых был не слишком высок, а их связь с Всероссийской кафедрой делает уход именно в митрополичий монастырь объяснимым, очевидно, что приход в Волосов представителя этого рода служит явным маркером возрастания престижа обители. С 1520-х гг. она начинает притягивать к себе взоры служилых людей «по отечеству», пусть и не самого высокого генеалогического и служебного статуса.

Как видим, Иона не позднее 1511 г. являлся настоятелем монастыря, который он мог покинуть между августом 1511 и началом апреля 1512 г. (явно не позднее 21 апреля 1514 г.). Если наше предположение о тождестве игумена Ионы и юрьевского архимандрита Ионы справедливо, то он от 3 до 6 лет проживал за пределами Никольского Волосова монастыря. Где он в это время мог находиться? Обратим внимание на три обстоятельства.

Во-первых, в 1517 г. (вероятно, несколько ранее 12 мая) Иону по воле столичных светских и духовных властей поставили в архимандриты главной новгородской обители. Во-вторых, уже не позднее 1517–1519 гг. он обнаруживает знакомство с Соломонией Сабуровой, с которой он явно не мог установить связи в новгородский период. В-третьих, начало карьерного взлета Ионы и подъема Никольского монастыря было связано с поставлением на Всероссийскую кафедру Варлаама. На наш взгляд, согласовать эти факты можно лишь одним. Иона в эти годы, по-видимому, по воле Варлаама – без его непосредственного согласия он не мог бы покинуть митрополичий домовый монастырь – проживал в Москве. Там он и свел знакомство с представителями церковной и политической элиты. Ничем иным объяснить столь стремительный карьерный взлет игумена относительно далекого от Москвы небольшого монастырька не представляется возможным.

Закономерен вопрос: в каком качестве Иона проживал в столице? В поисках ответа обратим внимание на некоторые факты биографии ряда других руководителей Русской церкви XV–XVII вв.

В период, близкий к 1560 г., известные П. М. Строеву источники упоминают игумена можайского Колочского монастыря Корнилия [Строев, стб. 600]. Затем не позднее 1566 г. он уже фиксируется в роли митрополичьего казначея. В этом качестве он принял участие в работе Освященного собора весны – лета этого года (в тексте соборного приговора имя Корнилия стоит первым в ряду имен духовных лиц, не являвшихся архиереями и настоятелями) [Антонов, 2004, с. 181]. Вскоре, в 1567 г., Корнилий был поставлен на весьма почетную – четвертую в иерархии – Ростовскую кафедру, которую он благополучно занимал до своей кончины в 1574 г. Трудно сомневаться в том, что карьерный взлет Корнилия подготовила служба при дворе митрополита. Хотя точное время его появления в столице неизвестно, очевидно, что по крайней мере в последние месяцы жизни митрополита Макария (+ 31 декабря 1563 г.) Корнилий уже являлся одним из самых близких к нему лиц. Под 10 августа 1562 г. упоминается еще прежний митрополичий казначей старец Кассиан (ранее – архимандрит можайского Лужецкого монастыря, который ранее возглавлял Макарий): в этот день по распоряжению Макария он дал Трефолой в церковь Положения риз на митрополичьем дворе по бывшем ключнике митрополита Севастьяне³³. Вскоре – 28 апреля 1563 г. – скончался и сам Кассиан

³¹ АФЗХ. Ч. 3. № 8.

³² Там же. № 16.

³³ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 3. Ч. 2. С. 145 (№ 479).

и был похоронен в можайском Лужецком монастыре³⁴. «Можайца» Кассиана в роли казначея сменил другой «можаец» – бывший игумен Колоцкого монастыря Корнилий. Очевидно, что Макарий лично знал настоятелей можайских монастырей, с которыми был связан еще с начала 1520-х гг. Этим и было обусловлено появление в столице сначала Кассиана, а вскоре после 28 апреля 1563 г. и Корнилия (трудно поверить в то, что митрополиты казна могла длительное время обходиться без казначея). Очевидно, что его назначение казначеем лишь формализовало очень близкие отношения, связывавшие Корнилия с Макарием, надо думать, не один год. В Повести о кончине Макария, написанной явно очевидцем событий, Корнилий не позднее 15 сентября 1563 г. фигурирует в числе тех немногих старцев, которые неотлучно находились при умирающем первосвятителе. Именно Корнилию, а также специально приглашенному в столицу старцу Пафнутиева-Боровского монастыря Елисею умирающий Макарий «повеле жити у себя безспрестанно» [Кунцевич, с. 7]. На особую близость Корнилия к Макарию указывает и то, что именно ему, а также своему духовнику Афанасию (в 1564–1566 гг. – митрополит) Иван IV поручил организацию похорон Макария [Кунцевич, с. 16]. Менее чем через 4 года после своего появления в столице (вероятно, не позднее весны-лета 1563 г.) лично знакомый со всеми ключевыми представителями церковной и политической элиты страны Корнилий был поставлен на Ростовскую кафедру (19 января 1567 г.).

Корнилий был не единственным из тех, кто, входя в ближайшее окружение первосвященников, стал архиереем. Подобные лица занимали кафедры и в XV, и в XVII в. 1 февраля 1462 г. Рязанскую кафедру занял Давид – казначей незадолго до этого скончавшегося митрополита Ионы (+ 31 марта 1461 г.)³⁵. А. И. Плигузов высказал предположение о том, что Давид в первой половине 1450-х гг. был наместником Ионы в Киеве. Давида первосвященник в 1455 г. за какую-то провинность отозвал в Москву и, простив, сделал казначеем³⁶. Если это действительно так, то до хиротонии Давид не менее 6 лет являлся весьма значимой персоной в окружении митрополита. Лица, входившие в ближний круг первосвященника, становились архиереями и позднее. Мисаил – иеромонах новгородского Деревяницкого монастыря, служивший ризничим Никона в его бытность новгородским митрополитом, – в 1651 г. был поставлен на Рязанскую кафедру. В 1654 г. Тверскую кафедру занял уже другой ризничий Никона (к тому времени патриарха) – Лаврентий [Устинова, с. 61–62].

Вероятно, с чем-то подобным мы сталкиваемся и в случае с Ионой. Игумен небольшого, но в силу своего статуса очень близкого к Всероссийской кафедре монастырька вскоре после поставления нового митрополита – Варлаама – покинул его, перебравшись в столицу. Трудно сомневаться в том, что он занял заметное место в ряду близких к Варлааму лиц. За несколько лет пребывания в Москве он установил контакты с влиятельными духовными и светскими лицами. Очевидно, что митрополитом Варлаамом и Соломонией Сабуровой их круг не исчерпывался.

В число тех, кто, по-видимому, знал Иону лично до 1516/1517 г., входил и великий князь Василий III. Чудо Варлаама Хутынского прямо сообщает о том, что все три настоятеля были присланы из Москвы по его личному распоряжению. Именно он принял окончательное – конечно, подготовленное при участии митрополита – решение о том, кто именно *de facto* встанет во главе церковной иерархии Новгорода, который на протяжении всего XVI в. неизменно внушал опасения русским государям. Задача, вставшая перед столичными светскими и церковными властями после прихода посланцев от трех ключевых новгородских обителей, была не из простых. Требовалось одновременно отобрать сразу трех кандидатов, которые

³⁴ Можайский Лужецкий второго класса монастырь. М., 1888. С. 31.

³⁵ ПСРА. М., 2004. Т. 25. С. 277.

³⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1992. Ч. 5 / Сост. и подгот. текстов А. И. Плигузов. С. 1002; [Абеленцева, с. 247–248, 410–411 (№ 40)].

отвечали бы, по крайней мере, двум требованиям. С одной стороны, безусловно, они должны были быть лояльны столичным властям³⁷, с другой – располагать иноческим «стажем», опытом и уровнем образования, достаточными для руководства тремя древнейшими русскими обителями (они были основаны еще в XII в.) в отсутствие архиерея. Очевидно, что Иона, возглавивший посланную из Москвы троицу, этими качествами располагал. На то, что сомнений в его лояльности у Василия III не было, указывает последующий путь Ионы.

Доверие к нему великого князя не поколебала даже предполагаемая нами близость Ионы к Варлааму, ушедшему с кафедры, вероятно, под давлением Василия III (17 декабря 1521 г.). Иона был поставлен на Рязанскую кафедру в исключительно важный момент – почти сразу после окончательного присоединения Рязанской земли (лето 1521 г.) – 23 марта 1522 г. Значение Рязани в этот период было очень велико. Земле, расположенной на стыке территории Великого княжества Московского, Великого княжества Литовского и осколков Золотой Орды (сначала Большой Орды, а затем Крымского ханства), русские государи и митрополиты уделяли особое внимание. Не рассматривая длительный процесс укрепления политического влияния московского князя в Рязани начиная со второй половины XV в., зафиксируем, что в церковном отношении Рязань была зависима от Москвы не менее, если не более, нежели в политическом. Это во многом было связано с тем, что предшественниками Ионы на кафедре являлись лица, тесно связанные со столичной церковной и политической элитой. Уроженец окрестностей Муром Протасий (1496–1515/1516) принял постриг и прожил более или менее длительное время в подмосковной Троице, которая в этот период как никогда была близка к великокняжескому двору и Всероссийской кафедре (ее в 1495–1511 гг. занимал бывший троицкий игумен Симон, поставивший на различные кафедры еще трех иноков обители Сергия)³⁸. Преемник Протасия – Сергей (1517–1521 гг.) – до поставления на Рязанскую кафедру возглавлял столичный Спасо-Андроников монастырь. Из него, как мы помним, в близкий период (в 1508 г.) перешел в игумены весьма значимого новгородского Спасо-Хутынского монастыря тезка предшественника Ионы. Ориентацию церковной элиты Рязанского княжества на великого князя московского еще в период его независимости (по крайней мере, формальной) демонстрирует текст выходной записи Миней служебной на сентябрь и октябрь 1519/1520 г., переписанной в главной обители региона – Солотчинском монастыре. В качестве правящего государя писец упоминает не последнего рязанского князя Ивана Ивановича, а Василия III [Усачев, 2018, т. 2, № 123]. Очевидно, что поставление Ионы на Рязанскую кафедру было не случайным. Хотя прямых указаний источников у нас нет, можно предполагать, что его деятельностью в Новгороде столичные власти были удовлетворены. Иона был направлен в другой – в этот период, пожалуй, даже более «проблемный» для них – город³⁹. Судя по тому, что Рязанскую кафедру Иона занимал четверть века, его деятельность в Рязани

³⁷ Стремление теснее связать главные новгородские обители с Центром страны отличало столичные власти и позднее. В 1531–1542 гг. игуменом Спасо-Хутынского монастыря являлся выходец из обители Иосифа Феодосий (в 1542–1551 гг. он уже занимал Новгородскую кафедру). Около 1547–1551 гг. хутынский настоятелем являлся выходец из Троице-Сергиева монастыря Гурий (Коровин), происходивший из рода Кутузовых, который был тесно связан с обителями Сергия и Иосифа [Казаков, с. 355]. В 1538 г. в Новгород «приехал» на юрьевскую архимандритию Гурий (который также, судя по всему, новгородцем не являлся) (см.: ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 616).

³⁸ О происхождении Протасия подробнее см.: [Усачев, 2018, т. 1, с. 355–356].

³⁹ Последний обзор мероприятий московского правительства, сопутствующих присоединению Рязани, см.: [Кирпичников, с. 114–124].

также не вызывала нареканий в Москве⁴⁰. Читатель вправе задать вопрос: мог ли путь Ионы в Новгород, а затем в Рязань обуславливаться его происхождением? Откуда он был родом⁴¹?

Очевидно, что в первой четверти XVI в. и даже позднее сравнительно небольшой Никольский Волосов монастырь не относился к числу обителей, авторитет которых вышел далеко за пределы округа Владимира. Он не располагал ни длительной и славной историей, ни особо почитаемыми святынями. Настоятели обители не принимали участие в работе главного органа церковного управления – Освященного собора. Очевидно, что в последней четверти XV в. – наиболее вероятное время прихода Ионы в Волосов – обитель еще не являлась социальным «магнитом», притягивающим к себе постриженников издалека. Как правило, в таких монастырях принимали постриг жители ближней и дальней округи чаще всего сравнительно невысокого статуса⁴². Местные служилые землевладельцы предпочитали главную обитель региона – владимирский Рождественский монастырь⁴³. Лишь некоторые из них принимали постриг в наиболее значимых обителях Москвы и Подмосковья (Новоспасском, Симоновом, Троице-Сергиевом и некоторых других монастырях). Как было показано выше, только позднее – с 1520-х гг. – свой взор к обителям начинают обращать служилые землевладельцы, правда, не слишком высокого статуса.

На регион, с которым гипотетически могло быть связано рождение или длительное проживание Ионы до пострига, на первый взгляд, может указывать вклад по нему митрополита Макария. Как сообщает вкладная запись рукописного Апостола XVI в., 21 сентября 1560 г. первосвятитель дал его по душам Ионы, а также митрополичьего казначея священноинока Лазаря и «их родителей» в церковь Иоанна Богослова, расположенную в подмосковном митрополичьем селе Голенищево⁴⁴. С чем был связан вклад Макария по этим лицам именно в эту церковь, сказать сложно. Речь шла о храме села, которым русские митрополиты владели, по крайней мере, с середины XIV в. По сути, Голенищево являлось их подмосковной резиденцией [Веселовский, 1947, с. 347, 353–354, 399, 444–445]. Гипотетически можно предполагать, что с этим селом мог быть связан Иона или Лазарь (гипотеза об их возможном родстве нам представляется слишком смелой). Однако настаивать на их происхождении из Голенищева вряд ли возможно. Вклад в церковь именно этого села скорее говорит о близости к нему вкладчика. Очевидно лишь одно: спустя почти 13 лет после кончины Ионы митрополит Макарий счел нужным дать по нему, а также по своему казначею вклад. Это могло обуславливаться стремлением дряхлеющего и готовящегося к смерти владыки обеспечить поминание тех лиц, с которыми он когда-то поддерживал, судя по всему, достаточно близкие отношения на протяжении длительного времени. Возможно, Иона способствовал церковной карьере Макария.

Хотя Иона и Макарий (около 1482 – 1563), по-видимому, и принадлежали к одному поколению руководителей Церкви, первый, вероятнее всего, был старше второго. Помимо того, что Иона скончался на 16 лет раньше в очень преклонном возрасте, на это указывает и то,

⁴⁰ Обзор немногих известных фактов о деятельности Ионы в Рязани см.: [Макарий (Веретенников), 2010, с. 26–28].

⁴¹ Порой встречающаяся в литературе версия о московском происхождении Ионы [Макарий (Веретенников), 2010, с. 25] восходит к иеромонаху Валентину (Ключареву). Вероятно, будучи знаком с Чудесами Варлаама Хутынского, но не зная о связях Ионы с Никольским Волосовым монастырем, иеромонах Валентин (Ключарев) определил его как «иеромонаха Московской епархии» [Валентин (Ключарев), с. 26].

⁴² Появление в синодике Никольского Волосова монастыря записей некоторых дворянских родов (Щелкаловых, Булгаковых, Владыкиных, Чортовых, князей Волконских и др.) [Тихонравов, 1861] относится ко времени не ранее второй половины XVI в.

⁴³ Подробнее о статусе вкладчиков и насельников этой обители в XVI в. см.: [Усачев, 2021, с. 110–112].

⁴⁴ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1. С. 315–316 (№ 48). На данный вклад Макария по Ионе обратил внимание исследователь архимандрит Макарий (Веретенников), предположив, что он свидетельствует о духовной близости этих лиц [Макарий (Веретенников), 2010, с. 29].

что он начал свою карьеру заметно раньше. До середины 1520-х гг. места Ионы и Макария в церковной иерархии были несопоставимы. Иона стал настоятелем монастыря, пусть и не самого значимого, не позднее 1511 г. В 1517 г. он возглавил четвертую по значению (после владимирского Рождественского, Троице-Сергиева и Новоспасского монастырей) обитель страны – новгородский Юрьев монастырь. В 1522 г. Иона был поставлен на Рязанскую кафедру. Макарий возглавил далеко не самый значимый можайский Лужецкий монастырь в 1523 г., а архиереем стал в 1526 г. После поставления на Рязанскую кафедру Иона по меньшей мере сохранил свое влияние в столице. Будучи архиереем и, соответственно, являясь «постоянным членом» Освященного собора, он неоднократно навещал столицу – гораздо чаще, нежели архиереи более отдаленных епархий (в частности, Новгородской) – для участия в работе главного органа церковного управления⁴⁵ (согласно нашему предположению, Собор в XVI в. в столице собирался почти ежегодно [Усачев, 2015]). Источники фиксируют пребывание Ионы в столице, по крайней мере, в феврале 1525 г.⁴⁶, в феврале 1531 г.⁴⁷, в феврале 1535 г.⁴⁸, в феврале 1539 г.⁴⁹, в марте 1542 г.⁵⁰ и в феврале 1547 г.⁵¹ Нельзя исключить возможной поддержки Ионы Макария на Освященном соборе 1542 г., избравшем и поставившем его на Всероссийскую кафедру (рязанский епископ на Соборе присутствовал). Избрание Макария, судя по всему, стало результатом компромисса между церковной элитой, представленной в первую очередь архиереями, и политической, в которой в данный период ключевую роль играли князья Шуйские⁵². В составе первой Иона занимал далеко не последнее место. После смерти крутицкого владыки Досифея (1508–1544 гг.) и до своей кончины в 1547 г. Иона, будучи поставлен на Рязанскую кафедру 23 марта 1522 г., был старейшим по хиротонии архиереем Русской церкви.

Подводя итоги, обратим внимание на основные вехи биографии Ионы. Скорее всего, он являлся уроженцем Владимира или его округи и происходил из слоя, далекого от вершины социальной иерархии. Постриг он принял в относительно раннем возрасте в находящемся неподалеку домовом митрополичьем Никольском Волосовом монастыре. Вскоре после знакомства с новым митрополитом Варлаамом Иона, вероятно, по его приглашению около 1511 г. переехал в Москву. В столице он обзавелся связями с представителями как церковной, так и политической элиты. Во многом благодаря им в 1517 г. он был поставлен в архимандриты главной обители Новгорода – Юрьева монастыря. Выбор властей обуславливался, во-первых, лояльностью Ионы, во-вторых, тем, что он в той или иной мере располагал качествами (прежде всего, «стажем» и уровнем подготовки), необходимыми для руководства столь значимой обителью. Едва став юрьевским архимандритом, Иона инициировал весьма затратное

⁴⁵ Д. В. Губин предположил связь Ионы с книжниками круга митрополита Даниила и им самим на основании того, что в составленной при Всероссийской кафедре Симеоновской летописи фигурируют перечни новгородских и рязанских владык [Губин, с. 93–94]. Конечно, «служебные» контакты митрополита и подвластного ему архиерея несомненны. Однако следует помнить, что карьерный взлет Ионы был связан с фигурой Варлаама, а о каких-либо его личных, выходящих за церковно-административные рамки, контактах с Даниилом нам ничего неизвестно. Кроме того, вряд ли «разовые» поездки рязанского владыки в столицу способствовали его сотрудничеству с митрополичьим скрипторием.

⁴⁶ СГДА. М., 1813. Ч. 1. С. 425–427 (№ 154); Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971. С. 90.

⁴⁷ СГДА. Ч. 1. С. 442 (№ 159).

⁴⁸ ПСРА. М., 2009. Т. 29. С. 16.

⁴⁹ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. С. 158 (№ 184).

⁵⁰ ПСРА. Т. 29. С. 42.

⁵¹ ААЭ. Т. 1. С. 203 (№ 213) (читающееся в публикации источника имя Иосиф вместо Иона – явная ошибка).

⁵² Согласно официальной летописи, Макарий был поставлен на кафедру «избралием святительским и изволением великого князя Ивана Васильевича всея Руси» (см.: ПСРА. Т. 29. С. 42). Очевидно, что о личном участии 8-летнего Ивана IV говорить вряд ли возможно. Подробнее о весьма напряженной политической ситуации, в которой Макарий стал митрополитом, см.: [Кром, с. 275–279].

строительство каменного храма в Волосовом монастыре, отношения с которым он не порывал до конца своих дней. Судя по всему, столичные власти были удовлетворены 5-летней деятельностью Ионы в Новгороде. Уже в 1522 г. – почти сразу после присоединения Рязани – он был поставлен на соответствующую кафедру, которую занимал четверть века. В этот период, регулярно посещая столицу для участия в работе Освященного собора, Иона поддерживал связи с представителями церковной и, вероятно, политической элиты, играя заметную роль в управлении Русской церковью в период малолетства Ивана IV.

Москвичом ни по своему происхождению, ни по мироощущению Иона не был. На протяжении всей своей жизни он тяготел к небольшому владимирскому монастырю. Это, однако, нисколько не мешало ему долгие годы служить интересам сравнительно недавно образованного государства. Иону можно поставить в один ряд с другими происходящими из регионов архиереями, которые наряду с великими князьями и членами Государева двора в XV–XVI вв., по сути, создавали Русское государство.

В первую очередь это, конечно, были предстоятели Всероссийской кафедры. Чаще всего ее занимали «провинциалы» – выходцы из:

Солигалича – Иона (1448–1461 гг.),

Углича – Феодосий (Бывальцев) (1461–1464 гг.),

Рязани – Даниил (1522–1539 гг.),

Переславля – Иоасаф (Скрипицын) (1539–1542 гг.) и Афанасий (1564–1566 гг.),

Старицы – Иов (1586–1605 гг.),

Казани – Гермоген (1606–1611 гг.),

с территории Новгородской земли – Филипп (Колычев) (1566–1568 гг.) и, вероятно, Дионисий (1581–1586 гг.).

Весьма значимые позиции в церковной иерархии занимали и другие выходцы из различных, подчас весьма отдаленных от Центра, уголков страны:

происходивший, вероятно, с территории Севера Новгородской земли Геннадий (Гонзов) возглавлял Новгородскую кафедру,

выходец из округа Муром Протасий – Рязанскую,

переславец Тихон – Коломенскую,

житель Корелы Варлаам (Рогов) – Ростовскую,

выходец с территории Дмитровского уезда Нифонт (Кормилицын) – Крутицкую,

по-видимому, уроженец Новгородской земли Варлаам (Пушкин) – Крутицкую,

серпухович Варсонофий – Тверскую,

вероятно, дмитровец Митрофан – Рязанскую⁵³.

Очевидно, что ни о каком целенаправленном насыщении церковной иерархии москвичами речь не шла. За фактами биографии Ионы проступают контуры иного процесса – процесса консолидации представителей гетерогенной с точки зрения происхождения церковной элиты вокруг Всероссийской кафедры. Опираясь на таких архиереев, как Иона, в тесном союзе с великокняжеской властью она медленно, но неуклонно направляла страну по пути, ведущему от Великого княжества Московского, Новгородской, Рязанской и прочих земель к России.

⁵³ Очевидно, что этими лицами перечень выходцев из регионов среди руководителей Русской церкви не исчерпывается. Однако о происхождении подавляющего большинства иных архиереев сведениями мы не располагаем.

Литература

- Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. 468 с.
- Антонов А. В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 181–219.
- Антонов А. В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 171–182.
- Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011. 510 с.
- Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 241–277.
- Валентин (Ключарев), иером. Юрьев Новгородский первоклассный монастырь: История его и описание. Новгород, 1893. 236, III с.
- Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения: Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // ИЗ. М., 1946. Т. 18. С. 56–91.
- Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. 496 с.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. 582 с.
- Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования по истории русского права. СПб., 1871. [4], 558, 252 с.
- Губин Д. В. Источники по истории рязанской книжно-рукописной традиции и культуры XII–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2004. 286 с.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 348 с.
- Казаков А. А. Происхождение волоколамского инока Епифания и некоторые проблемы генеалогии Кутузовых (конец XV – середина XVI вв.) // Novogardia. 2020. № 1 (5). С. 348–364. DOI 10.25797/NG.2020.5.1.015
- Киртичников И. А. Рязанская служилая элита в конце XV – первой трети XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 839 с.
- Кобрин В. Б. Материалы по генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. 238 с.
- Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. 639 с.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 887 с.
- Кузьмин А. В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. 336 с.; М., 2015. Т. 2. 435 с., [6] л. карт, факс.
- Кунцевич Г. З. Сказание о последних днях митрополита Макария (15 сентября – 31 декабря 1563 года). СПб., 1910. 27 с.
- Кучкин В. А. Завещание С. Д. Пешкова-Сабурова и Евангелие Андриана Ангелова // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 139–145.
- Макарий (Веретенников), архим. Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и всея Руси. М., 2002. 510 с.
- Макарий (Веретенников), архим. Из истории русской иерархии XVI века. М., 2006. 317 с.
- Макарий (Веретенников), архим. Епископ рязанский Иона II (1522–1547) // Макариевские чтения. Можайск, 2010. Вып. 17. С. 25–29.
- Маиштафаров А. В., Турилов А. А. Волосов во имя святителя Николая Чудотворца женский монастырь // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 274–275.
- Мельник А. Г. Итальянский архитектор Степан Фрязин и строительство собора Волосова монастыря // ΕΙΚΩΝ ΚΑΙ ΤΕΧΝΗ. Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры. Памяти А. Г. Жолондзя. М., 2007. С. 155–158.
- Назаров В. Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина. М., 2010. С. 382–427.
- Никольский А. Житие преподобного Варлаама Хутынского Лихудиевой редакции // Вестник археологии и истории. СПб., 1911. Вып. 21. С. I–XXXVI, 1–59.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 278 с.

- Савосичев А. Ю. Архиерейский корпус Русской православной церкви во второй половине XV – начале XVI вв. // *Novogardia*. 2020. № 4 (8). С. 161–179. DOI 10.25797/NG.2020.8.4.008
- Смирнова Э. С., Турилов А. А. Евангелие епископа Ионы. Лицевая и орнаментальная рукопись конца XV – первой трети XVI в. в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // *Хризограф*. М., 2018. Вып. 4. С. 311–331.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб.
- Тихомиров М. Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // *АЕ* за 1958 г. М., 1960. С. 11–36.
- Тихонравов К. Н. Упраздненный Волосов монастырь // *Владимирский сборник*. М., 1857. С. 110–111.
- Тихонравов К. Н. Синодик упраздненного Волосова монастыря // *Владимирские губернские ведомости*. 1861. № 26. Ч. Неофиц. С. 107–108.
- Усачев А. С. Как часто собирались церковные соборы в России XVI в.? // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2015. № 3 (61). С. 120–121.
- Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // *Российская история*. 2017. № 5. С. 97–113.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1. 469, [2] с.; Т. 2. 524, [1] с., [8] л. цв. ил., факс.
- Усачев А. С. Владимирский Рождественский монастырь и почитание Александра Невского в России XVI века // *Исторический вестник*. 2021. Т. 35. С. 108–129.
- Устинова И. А. Из практики архиерейских поставлений в XVII в.: традиции и новации // *История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.)*. М., 2020. С. 58–64.

References

- Abelentseva, O. A. *Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi tserkvi* [Metropolitan Jonah and the Establishment of Autocephaly of the Russian Church]. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 468 p.
- Antonov, A. V. *Votchinnnye arkhivy vladimirskikh monastyre i soborov XIV – nachala XVII v.* [Patrimonial Archives of Vladimir Monasteries and Cathedrals of the 14th – Early 17th Centuries]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 1998. Issue 4. Pp. 181–219.
- Antonov, A. V. *Prigovornaya gramota 1566 goda* [The Resolution Act of 1566]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 2004. Issue 10. Pp. 171–182.
- Belyakov, A. V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [Genghisids in Russia in the 15th – 17th Centuries. Prosopographic Research]. Ryazan, 2011. 510 p.
- Bentsianov, M. M. *Deti boyarskie “naugorodskie pomeshchiki”*. Novgorodskaya sluzhilaya korporatsiya v kontse XV – seredine XVI v. [Boyar Children are “Novgorod Landlords”. Novgorod Service Corporation in the Late 15th – Middle of the 16th Century]. In *Novgorodskaya Rus’: istoricheskoe prostranstvo i kul’turnoe nasledie*. Ekaterinburg, 2000. Pp. 241–277.
- Gorchakov, M. I. *O zemel’nykh vladenyakh vserossiiskikh mitropolitov, patriarkhov i Sv. Sinoda (988–1738 gg.)*. Iz opytov issledovaniya po istorii russkogo prava [On the Land Holdings of the All-Russian Metropolitans, Patriarchs and the Holy Synod (988–1738)]. From the Practice of Research on the History of Russian Law]. Saint Petersburg, 1871. [4], 558, 252 p.
- Gubin, D. V. *Istochniki po istorii ryazanskoi knizhno-rukopisnoi traditsii i kul’tury XII–XVII vv.* [Sources on the History of the Ryazan Manuscript Tradition and Culture of the 12th – 17th Centuries]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Ryazan, 2004. 286 p.
- Kazakov, A. A. *Proiskhozhdenie volokolamskogo inoka Epifaniya i nekotorye problemy genealogii Kutuzovykh (konets XV – seredina XVI vv.)* [The Origin of the Volokolamsk Monk Epiphanius and Some Problems of the Kutuzov Genealogy (Late 15th – Mid of the 16th Centuries)]. In *Novogardia*. 2020. No. 1 (5). Pp. 348–364. DOI 10.25797/NG.2020.5.1.015
- Kirpichnikov, I. A. *Ryazanskaya sluzhilaya elita v kontse XV – pervoi treti XVII veka* [Ryazan Military Elite at the End of the 15th – First Third of the 17th Century]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2021. 839 p.
- Kobrin, V. B. *Materialy po genealogii knyazhesko-boyarskoi aristokratii XV–XVI vv.* [Materials on the Genealogy of the Princely-Boyar Aristocracy of the 15th – 16th Centuries]. Moscow, 1995. 238 p.

- Kolobkov, V. A. Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya. Oprichnina Ivana Groznogo [Metropolitan Philip and the Formation of the Muscovite Autocracy. Ivan the Terrible's Oprichnina]. Saint Petersburg, 2004. 639 p.
- Krom, M. M. "Vdovstvuyushchee tsarstvo": Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka ["The Dowager Kingdom": The Political Crisis in Russia of the 30–40s of the 16th Century]. Moscow, 2010. 887 p.
- Kuchkin, V. A. Zaveshchanie S. D. Peshkova-Saburova i Evangelie Andriana Angelova [The Testament of S. D. Peshkov-Saburov and the Gospel of Adrian Angelov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2004. Vol. 55. Pp. 139–145.
- Kuntsevich, G. Z. Skazanie o poslednikh dnyakh mitropolita Makariya (15 sentyabrya – 31 dekabrya 1563 goda) [The Story of the Last Days of Metropolitan Macarius (September 15 – December 31, 1563)]. Saint Petersburg, 1910. 27 p.
- Kuz'min, A. V. Na puti v Moskvu. Ocherki genealogii voenno-sluzhiloi znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v. [On the Way to Moscow. Essays on the Genealogy of the Military Service Nobility of Northeastern Russia in the 13th – Middle of the 15th Century]. Moscow, 2014. Vol. 1. 336 p.; Moscow, 2015. Vol. 2. 435 p., [6] l. of maps, facs.
- Makarii (Veretennikov), arkhim. Zhizn' i trudy svyatitelya Makariya, mitropolita Moskovskogo i vseya Rusi [The Life and Works of St. Macarius, Metropolitan of Moscow and All Russia]. Moscow, 2002. 510 p.
- Makarii (Veretennikov), arkhim. Iz istorii russkoi ierarkhii XVI veka [From the History of the Russian Hierarchy of the 16th Century]. Moscow, 2006. 317 p.
- Makarii (Veretennikov), arkhim. Episkop ryazanskii Iona II (1522–1547) [Bishop Jonah II of Ryazan (1522–1547)]. In *Makarievskie chteniya*. Mozhaisk, 2010. Issue 17. Pp. 25–29.
- Mashtafarov, A. V., Turilov, A. A. Volosov vo imya svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya zhenskii monastyr' [Volosov in the Name of St. Nicholas the Wonderworker Convent]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2005. Vol. 9. Pp. 274–275.
- Mel'nik, A. G. Ital'yanskii arkhitekt Stepan Fryazin i stroitel'stvo sobora Volosova monastyrya [Italian Architect Stepan Fryazin and the Construction of the Volosov Monastery Cathedral]. In *EIKON KAI TEXNH. Tserkovnoe iskusstvo i restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury. Pamyati A. G. Zholondzya*. Moscow, 2007. Pp. 155–158.
- Nazarov, V. D. Ryurikovichi Severo-Vostochnoi Rusi v XV v. (o tipologii i dinamike knyazheskikh statusov) [The Rurikoviches of Northeastern Russia in the 15th Century (On the Typology and Dynamics of Princely Statuses)]. In *Sosloviya, instituty i gosudarstvennaya vlast' v Rossii (Srednie veka i rannee Novoe vremya). Sbornik statei pamyati akademika L. V. Cherepnina*. Moscow, 2010. Pp. 382–427.
- Nikol'skii, A. Zhitie prepodobnogo Varlaama Khutynskogo Likhudievoi redaktsii [The Likhuds' Redaction of the Life of St. Barlaam of Khutyn]. In *Vestnik arkheologii i istorii*. Saint Petersburg, 1911. Issue 21. Pp. I–XXXVI, 1–59.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 278 p.
- Savosichev, A. Yu. Arkhiereiskii korpus Russkoi pravoslavnoi tserkvi vo vtoroi polovine XV – nachale XVI vv. [Archieban Corps of the Russian Orthodox Church in the Second Half of the 15th – Early 16th Centuries]. In *Novogardia*. 2020. No. 4 (8). Pp. 161–179. DOI 10.25797/NG.2020.8.4.008
- Smirnova, E. S., Turilov, A. A. Evangelie episkopa Iony. Litsevaya i ornamental'naya rukopis' kontsa XV – pervoi treti XVI v. v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [The Gospel of Bishop Jonah. Illustrated and Ornamental Manuscript of the End of the 15th – First Third of the 16th Century in the Collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. In *Khrizograf*. Moscow, 2018. Issue 4. Pp. 311–331.
- Stroev, P. M. Spiski ierarkhov i nastoyatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi [Lists of Hierarchs and Abbots of Monasteries of the Russian Church]. Saint Petersburg, 1877. X p., 1064, 68 col.
- Tikhomirov, M. N. Zapisi XIV–XVII vv. na rukopisyakh Chudova monastyrya [Records of the 14th – 17th Centuries on the Manuscripts of the Chudov Monastery]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1958 g.* Moscow, 1960. Pp. 11–36.
- Tikhonravov, K. N. Uprazdnennyi Volosov monastyr' [The Abolished Volosov Monastery]. In *Vladimirskii sbornik*. Moscow, 1857. Pp. 110–111.
- Tikhonravov, K. N. Sinodik uprazdnennogo Volosova monastyrya [Synodic of the Abolished Volosov Monastery]. In *Vladimirskie gubernskie vedomosti*. 1861. No. 26. Part unofficial. Pp. 107–108.
- Usachev, A. S. Kak chasto sobiralis' tserkovnye sobory v Rossii XVI v.? [How Often did Church Councils Gather in Russia in the 16th Century?]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2015. No. 3 (61). Pp. 120–121.

- Usachev, A. S. Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.? [Why did the "Volokolam Hegemony" End in the Russian Church of the 16th Century?]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2017. No. 5. Pp. 97–113.
- Usachev, A. S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei [Book Writing in Russia in the 16th Century: Based on the Materials of Dated Output Records]. Moscow; Saint Petersburg, 2018. Vol. 1. 469, [2] p.; Vol. 2. 524, [1] p., [8] l. of coloured il., facs.
- Usachev, A. S. Vladimirskii Rozhdestvenskii monastyr' i pochitanie Aleksandra Nevskogo v Rossii XVI veka [The Nativity of the Virgin Monastery in Vladimir and the Veneration of Alexander Nevsky in Russia in the 16th Century]. In *Istoricheskii vestnik*. 2021. Vol. 35. Pp. 108–129.
- Ustinova, I. A. Iz praktiki arkhieireiskikh postavlenii v XVII v.: traditsii i novatsii [From the Practice of Episcopal Designations in the 17th Century: Traditions and Innovations]. In *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statei uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (24–25 noyabrya 2020 g.)*. Moscow, 2020. Pp. 58–64.
- Valentin (Klyucharev), ierom. Yur'ev Novgorodskii pervoklassnyi monastyr': Istoriya ego i opisaniye [The Yuriev Novgorod First-Class Monastery: Its History and Description]. Novgorod, 1893. 236, III p.
- Veselovskii, S. B. Iz istorii drevnerusskogo zemlevladieniya: Rod Dmitriya Aleksandrovicha Zernova (Saburovy, Godunovy i Vel'yaminovy-Zernovy) [From the History of Old Russian Land Ownership: The Family of Dmitry Alexandrovich Zernov (Saburovs, Godunovs and Velyaminov-Zernovs)]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1946. Vol. 18. Pp. 56–91.
- Veselovskii, S. B. Feodal'noe zemlevladieniye v Severo-Vostochnoi Rusi [Feudal Land Ownership in Northeastern Russia]. Moscow; Leningrad, 1947. Vol. 1. 496 p.
- Veselovskii, S. B. Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev [Studies on the History of the Class of Serving Landowners]. Moscow, 1969. 582 p.
- Zimin, A. A. Formirovaniye boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. [The Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Century]. Moscow, 1988. 348 p.

Andrei S. Usachev

Russian State University for the Humanities,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

RYAZAN BISHOP IONA (1522–1547) AND THE CHURCH ELITE IN RUSSIA IN THE 16th CENTURY

The article deals with the origin and the main facts of Ryazan Bishop Iona's biography (1522–1547). It was established that probably being native-born of Vladimir or its region he took monastic vows at a relatively early age in the small private metropolitan Nikolskii Volosov Monastery. No later than in 1511 he became its abbot. Being under the Metropolitan Varlaam's protection (1511–1521) Iona went to Moscow and established connection with church representatives and political elite. These connections helped him in his successful career. In 1517 he became an archimandrite of the Iuriev Monastery in Novgorod and in fact the head of the Novgorod Diocese due to the absence of any bishop in Novgorod. In 1522 after the annexation of Ryazan he was appointed the Ryazan bishop. Being the Ryazan bishop during a quarter of a century Iona played the significant role in the administrative management of the Russian church in the period of Ivan's IV childhood. The research rests on acts, chronicles, the Miracles of Varlaam Khutynskii, the Metropolitan Daniil's letters, colophons and books' records of donations.

Keywords: monasticism, the Russian Church, the 16th century, medieval Novgorod, Novgorod Diocese, Ryazan Diocese, Nikolsky Volosov Monastery, episcopate, manuscripts